

УДК 94(497.2)+94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/18

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. ХИЛЕНДАРСКОГО И М. ЧАКИРА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

В историко-сравнительном контексте анализируются вклад болгарского монаха Паисия Хилендарского в становление болгарского национального Возрождения (вторая половина XVIII в.), а также роль и значение деятельности бессарабского гагаузского священника Михаила Чакира в формировании гагаузской этнической и культурной идентичности в Буджаке (начало XX в. – 1938 г.). Акцентируется внимание на общем и особенном в их биографии и национально-патриотической деятельности. Подчеркивается специфика влияния работ М. Чакира на этнокультурные и этнополитические процессы в Молдавии (вторая половина XX – начало XXI в.).

Ключевые слова: Болгария, Буджак, П. Хилендарский, болгарское Возрождение, М. Чакир, гагаузская идентичность, этнополитические процессы.

THE ACTIVITY OF PAISIUS OF HILANDAR AND M. CHAKIRA: COMMON AND SPECIFIC

I.F. Grek

The Association of Historians and the Politicians of «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The contribution of the Bulgarian monk Paisius of Hilandar in the growth of the Bulgarian National Revival (second half of the 18th C.) and the role and meaning of the activity of the Bessarabian Gagauz priest Mikhail Chakir in the formation of Gagauz ethnic and cultural identity in Budjak (beginning 20th C. – 1938) is analyzed in histo-

rical-comparative context. Attention to the common and specifics of their biographies and national-patriotic activity is stressed. The specifics of the influence of the work of M. Chakir on the ethno-cultural and ethno-political processes in Moldavia (second half of the 20th C. – beginning 21st C.) is underlined.

Keywords: Bulgaria, Budjak, Paisius of Hilandar, Bulgarian National Revival, Mikhail Chakir, Paisius of Hilandar Gagauz, ethno-political processes.

Известный болгарский историк Благовест Нягулов в статье «От единения к разграничению: болгары и гагаузы в румынской Бессарабии» (1918–1940 гг.) так оценивает роль и значение Михаила Чакира в осознании бессарабскими гагаузами своей этнической идентичности: «С должной исторической условностью можно дополнить, что с подготовкой и публикацией первой истории бессарабских гагаузов Михаил Чакир исполняет для них «роль» болгарского Отца Паисия Хилендарского, автора «Истории славяноболгарской» 1762 г.» (Нягулов 2010: 179).

В первой недавно вышедшей отдельным изданием книге о М. Чакире ее авторы заявляют, что среди гагаузов «он по праву снискал славу Ивана Федорова», первого книгопечатника в России (Мошин, Копушу 2013: 22).

В литературе приводятся еще более весомые и значимые сравнения М. Чакира. Биографы (Булгар 2005: 65) гагаузского священника-просветителя высказывают мнение о том, что его роль в истории бессарабских гагаузов сопоставима с той, которую сыграли изобретатели славянской письменности св. Кирилл и Мефодий.

Бессарабские соплеменники М. Чакира высказывали благодарность «милостивому Богу за то, что он послал» им «апостола, вышедшего из наших рядов» (Костенко 2005: 78). Это сравнение с апостолами было высказано и в самом отклике Н. Костенко на смерть М. Чакира (Костенко 2005: 75–79).

Понятно стремление пишущих о М. Чакире объяснить его значение для бессарабских гагаузов как неординарностью самой его личности, так и их желанием наглядно показать, какое место они отводят ему в пантеоне славных имен прошлого, оставивших неизгладимый след в православной цивилизации ее творивших и в жизни многих поколений людей, ей приверженных.

Однако нас здесь интересует, что стоит за этими сравнениями, насколько они оправданны, нет ли преувеличений или, наоборот, недооценки М. Чакира. Представляется важным выявить то общее, что дает право включить его имя в ряд выдающихся имен прошлого, определивших и определяющих лицо православной цивилизации,

православной церкви и славянской письменности и культуры. Заслуживает рассмотрения, прежде всего, то особенное, присущее деятельности только М. Чакира, которое, с одной стороны, вписывается в общую канву православной религии, церкви и культуры, а с другой – дополняет ее новыми элементами и новыми красками, обусловленными новым в них этническим и этнокультурным компонентом – гагаузским этносом и гагаузской культурой.

Правомерно ли ставить М. Чакира в один ряд с апостолами? Да, если под ними иметь в виду тех людей на нашей планете, кто отдавал всего себя служению своему народу. В данном случае апостол – просветитель, пастырь, поводырь, выводящий своих соплеменников из тьмы невежества, незнания и спасающий их от физического и этнического исчезновения. Но апостолов в человеческом облике, как правило, представляют в виде обобщенного художественного образа, возникшего в воображении писателя (Данко у М. Горького), хотя известны апостолы и исторические личности (выдающийся деятель болгарского национально-освободительного движения Васил Левски). Михаил Чакир – один из таких апостолов, но для бессарабских гагаузов он – один-единственный. Таким, как он, апостолам в человеческом облике присущи достоинства и недостатки, чем, собственно, они и отличаются от евангельских апостолов.

Как мне представляется, более удачно сравнение Михаила Чакира с исполинской фигурой болгарского Возрождения - Паисием Хилендарским.

П. Хилендарский входит в число 10 самых известных болгар всех времен. Родился около 1722 г. в районе города Банско. Проходил послушание в Рыльском монастыре. В 1745 г. Паисий удалился в болгарский монастырь Хилендар на Афонских горах. Там он был произведен в монашеский чин иеромонаха. В 1758 г. встречался с посетившим монастырь сербским историком Раичем, труды которого побудили его начать в том же году писать историю болгар. В ходе ее написания Паисий собирал материалы на Афоне, в Болгарии, путешествовал по «немецкой земле» (вероятно, по Банату). Окончил свою «Историю славяноболгарскую» в 1762 г. уже в Зографском монастыре, куда был вынужден удалиться. Там он нашел еще материалы для своей работы. При ее написании Паисий использовал сочинение Мавро Орбини «Regno degli slavi» в переводе на русский язык 1722 г., «Церковную историю» Барония, также в русском переводе (1716 г.), Жития святых, греческие легенды и немногочисленные болгарские документы. Умер Паисий Хилендарский в 1773 г. (Паисий Хилендарский 1962).

22 июня 1962 г. в связи с 200-летием написания им «Истории славяноболгарской» Священный синод Болгарской православной

церкви возвел (канонизировал) Паисия Хилендарского в лик святых.

Михаил Чакир, один из самых известных представителей бессарабской священнической фамилии Чакир, родился в 1861 г. в гагаузском селе Чадыр-Лунга Бендерского уезда. Его предки – выходцы из Добруджи, переселившиеся вначале в Молдавское княжество, а затем в Буджак. Учился в местной церковно-приходской школе, в духовном училище и духовной семинарии Кишинева. Работал учителем Кишиневского духовного мужского училища. Издавал учебную литературу на молдавском и русском языках, а также словари (Булгар 2005: 57–74). Еще в 1885 г. Михаил Чакир «обратился с просьбой разрешить печатать и использовать в школах учебники на молдавском языке» (Мошин, Копуцу 2013: 27).

Почему М. Чакир начинает свою издательскую деятельность с удовлетворения культурных и языковых нужд молдаван, а не бессарабских гагаузов? На наш взгляд, это связано с тем, что тогда процесс осознания тюркоязычными потомками задунайских переселенцев своей гагаузской идентичности не был так очевиден, как это имело место в начале XX в. Следовательно, не было еще потребности в гагаузских просветителях. Мы не знаем, кем ортодоксальный православный М. Чакир сам себя осознавал. В этом не было ничего удивительного, ведь «Гагаузы Бендерского уезда» В.А. Мошкова были опубликованы в «Этнографическом обозрении» лишь в 1901–1904 гг. Известно, что именно они сыграли исключительно важную роль в становлении гагаузской этнической идентичности в Бессарабии. Детство М. Чакира пришлось на 1860-е гг. – время этнического перерформатирования тюркоязычных «задунайских переселенцев». Именно тогда в их самосознании закладывается начало процесса их двойной идентичности – болгарской и гагаузской. Это начало было обусловлено их тюркским языком, который становился главным разграничителем между славяноязычными и тюркоязычными переселенцами из-за Дуная, поселившимися в Буджаке. Этот процесс шел достаточно медленно, но по нарастающей (Грек 2009). Как все, кто говорил на тюркском языке, называли себя болгарами, а самих болгар – туканами, так и члены священнического рода Чакиров относили себя к болгарам (Мишиш 1993: 219–226). Тогда их тюркский язык, который они именовали турецким, еще не стал для них этническим символом. Молодой Михаил Чакир был сыном своих родителей и своего священнического рода.

Впервые проблема родного языка для священников из числа гагаузов возникла в 1890-е гг., когда их православная паства стала объектом воздействия религиозных сектантов. Бороться с ними можно

было только словом Божиим на родном языке (Грек 2011: 148). Таким образом, потребность в религиозном просвещении бессарабских гагаузов обусловила необходимость вовлечения их родного языка в защиту их религиозной идентичности от сектантской скверны. Подстегнула этническое развитие тюркоязычных православных перепись населения 1897 г., в которой их язык был назван, как и прежде, турецким языком. Именно после нее М. Чакир начинает переводы богослужебных книг и Евангелия на родной язык и задается вопросом о его названии. О. Мошин и В. Копуцу отмечают: «Издавая книги, словари и листовки на молдавском языке, истинный сын гагаузского народа не мог не ратовать, чтобы и гагаузы могли иметь книги на родном языке, тем более слово Божие. И отец Михаил, и воодушевленные им другие гагаузы неоднократно просили церковное руководство разрешить издавать духовную литературу на гагаузском языке. В 1907 году было получено долгожданное разрешение Синода» (Мошин, Копуцу 2013: 54).

Известно, что В. Мошков знал, что есть такой священник М. Чакир и чем он занимается: «В бытность мою в Бессарабии я слышал, что священник гагауз отец Михаил Чакры (так у автора. – И.Г.) работает над переводом всего богослужения на гагаузский язык. Но что вышло из этой работы, удался ли перевод отца Михаила и вошел ли он в употребление в гагаузских селах, – мне слышать более не приходилось» (Мошков 1901: 30). Анализ сказанного свидетельствует о том, что Мошков лично не был знаком с М. Чакиром. Он слышал о нем от бессарабских гагаузов, которые знали, что священник М. Чакир занимается переводом богослужебных книг на их родной язык. Поскольку цитата В. Мошкова относится к 1901 г., следовательно, информацию о переводе богослужебных книг на гагаузский язык он имел до этой даты. Скорее всего, она к нему поступила при последнем его посещении гагаузских сел Бессарабии в 1896 г. Более точными данными мы не располагаем. Поэтому можно предположить, что М. Чакир приступил к переводу богослужебных книг на гагаузский язык во второй половине 90-х гг. XIX в.

Однако приведенная цитата не служит доказательством того, что тогда Михаил Чакир уже осознавал себя гагаузом. Использованное В. Мошковым выражение «священник гагауз отец Михаил Чакры» говорит всего лишь о том, что автор работы о бессарабских гагаузах относил и М. Чакира к ним, и это было правильно, но нам не известно, как сам М. Чакир определял себя тогда этнически. В письме ко мне В. Копуцу, один из авторов цитируемой книги о М. Чакире, писал, что он не нашел сведений, где бы в XIX в. М. Чакир, писал слово «гагауз», даже в клировых ведомостях (начало XX в.), где говорится о нацио-

нальности священников. Гагаузов-священников там отмечали как из болгар или нации болгарской. Высказывания В.А. Мошкова и В. Копущу относятся к тому периоду биографии М. Чакира, когда он не мог знать «Гагаузов Бендерского уезда», и потому его познания об этногенезе и этнической истории гагаузов находились на бытовом уровне.

Примерно в таком же положении находился до 1831 г. выдающийся деятель болгарского освободительного движения В. Априлов. До этого идеолог национально-культурного и национально-церковного движений болгарского народа относил себя к нежинским грекам. И только после знакомства с книгой Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгары...» он осознал себя этническим болгаринном и успел за 16 лет (умер в 1847 г.) сделать очень многое для возрождения болгарской нации.

Поэтому нельзя исключать, что знакомство с работой В.А. Мошкова сыграло решающую роль в осознании М. Чакиром себя гагаузом. Вместе с тем он, несмотря на то, что находился за пределами приходов с гагаузской паствой, не порывал связей со своими соплеменниками. Став частью протекавшего в их среде процесса гагаузскости, он затем взял на себя роль его мощного ускорителя.

К 1907 г. М. Чакир стал активным радетелем просвещения бессарабских гагаузов. Он начал издавать религиозные книги на родном языке и впервые употребил по отношению к родному языку глоттоним *гагаузский язык* (*гагаузча, гагаузча тюркчя*). Но до 1917 г. его гагаузская идентичность не афишируется им публично (хотя ее присутствие в его самосознании не вызывает сомнений). В этом не было особой необходимости. Гагаузская общность оформилась в до-революционной России, этнический процесс в ее среде не встречал внешнего противодействия, а его внутренняя динамика обуславливалась накоплением эволюционных изменений и необратимостью.

Изменение политического положения Бессарабии в 1918 г. коренным образом отразилось на литературных приоритетах М. Чакира. В межвоенный период главное его внимание сосредоточено на изучении истории и этнографии бессарабских гагаузов. В 1934 г. он издает на гагаузском языке «Историю бессарабских гагаузов», в 1937 г. – «Свадебные обряды гагаузов», а в 1938 г. – гагаузско-румынский словарь (Список работ М. Чакира см.: Мошин, Копущу 2013: 81–84).

Объяснение тому, что только в последние годы жизни М. Чакир написал и опубликовал свои работы по этногенезу и этнографии бессарабских гагаузов, мы находим в следующем. Во-первых, М. Чакир до 1917 г. в основном решал проблему перевода богослужебных книг на гагаузский язык. Во-вторых, он параллельно изучал литературу, в которой рассматривались проблемы этнической и этнокультурной

истории гагаузов. В частности, в первой трети XX в. он знакомился с работами К. Иречека, И. Нистора, В. Григоровича, И. Иванова, И. Титорова, Шт. Григореску, А. Манова, В. Радлова и других авторов, в которых проблема этногенеза гагаузов рассматривалась. Из всего многообразия гипотез происхождения гагаузов М. Чакир разделял взгляды В.А. Мошкова и А. Манова. В-третьих, в межвоенный период, особенно в 1930-е гг., политика Королевской Румынии и кемалистской Турции по отношению к гагаузам Добруджи и Бессарабии была направлена на то, чтобы оторвать их от славянского мира и сблизить с турками посредством внедрения среди них глоттонима *турецкий язык*. С этой целью в гагаузских селах Бессарабии открывались школы с турецким языком обучения, или он изучался как предмет (Нягулов 2010: 156–181). Процесс денационализации гагаузов в указанный период истории Бессарабии не мог остаться незамеченным М. Чакиром. Его «История гагаузов Бессарабии» может быть рассмотрена и как стремление Чакира защитить гагаузскую идентичность в Буджаке. Умер Михаил Чакир в 1938 г.

Общее. Итак, и П. Хилендарский, и М. Чакир имеют балканские корни. В их биографии есть общие этнические составляющие. П. Хилендарский – черноризец, монах одноименного афонского монастыря, М. Чакир – священник Кишиневской и Хотинской митрополии, но оба – глубоко религиозны и служат православной церкви. При этом вполне допустимо, что П. Хилендарский мог не знать о существовании в Болгарии тюркоязычной православной общности под названием «гагаузы», хотя она была известна в XVIII в. Также можно предположить, что и М. Чакир ничего не знал о П. Хилендарском, хотя его «История славяноболгарская» в рукописях распространялась и в бессарабских поселениях «задунайских переселенцев».

Общее между ними обуславливалось также объективными социально-экономическими, общественно-политическими и этническими процессами на Балканах и северо-восточнее Дуная, протекавшими здесь медленнее, чем в Западной Европе. Это можно объяснить религиозно-культурными различиями между православием восточной церкви, католицизмом и протестантизмом на Западе и их различным влиянием на развитие западной и восточной христианской цивилизаций, с одной стороны, и многовековым порабощением балканских народов Османской империей – с другой. Балканские нации являются продуктом буржуазного развития XVIII–XIX вв. в условиях противодействия со стороны государственной системы Порты и господствующей мусульманской религии. Деятельность П. Хилендарского приходится на начальный этап этого периода в истории возрождающегося славяноболгарского этноса, а деятельность

М. Чакира осуществлялась на завершающем его этапе – в конце XIX в. и первой половине следующего столетия. Это обусловлено также как полуторавековой отдаленностью дат рождения М. Чакира и П. Хилендарского, так и многими другими факторами. Выделим два основных: а) формирование новой тюркоязычной православной этнической общности на Балканах началось в XIII–XIV вв., спустя более пяти веков после того, как сформировалась славяноболгарская этническая общность в Первом и Втором болгарских государствах. Продолжение процесса шло и в XV–XVIII вв. на Балканах в условиях исламизации и ассимиляции со стороны осmano-турков (Димитров 1988: 36–37); б) завершение процесса формирования тюркоязычной православной общности произошло вне Османской империи, в Буджаке (Бессарабия, после 1812 г. – Южная Бессарабия. – И.Г.) после его включения в состав России, где общность осознала себя *гагаузами* и назвала свой язык *гагаузским*, отличавшимся от турецкого языка. То есть исторические, экономические, географические, политические реалии и внутренние процессы формирования гагаузского этноса обусловили его запаздывание примерно на 100 лет по сравнению с процессами формирования болгарской буржуазной нации, что и подчеркивается датой написания П. Хилендарским своего труда (1762 г.) и датой рождения М. Чакира (1861 г.). Как было подчеркнуто, именно с 60-х гг. XIX в. в Буджаке начался процесс осознания бессарабским тюркоязычным населением себя *гагаузами* (Грек 2009; Грек, Руссев 2011: 78–84; Квилинкова 2012: 337–351).

Общее между болгарским монахом и гагаузским священником и в том, что оба они остро ощущали свою этническую принадлежность: один – к славяноболгарам, а другой – к бессарабской гагаузской общности, которая во второй половине XIX в. вступила в завершающую стадию становления идентичности на основе этнонима *гагаузы* и глоттонима *гагаузский язык*.

Объединяет М. Чакира с П. Хилендарским и то, что обе подвижнические исторические личности жили за пределами территорий проживания этнических общностей, которым они посвятили себя: болгарин был чернецом Хилендарского, затем Зографского монастырей, а гагауз – священником в Кишиневе. Но если Паисий сам выбирал болгарскую монастырскую обитель для своего пострига и монашества, то священническое место М. Чакира зависело от консистории Кишиневской и Хотинской митрополии. Можно предположить, что их нахождение вне зоны проживания этнической паствы обостряло в них чувство общности своей судьбы с этнической судьбой народа, из которого они вышли и частью которого они себя видели вопреки жизненным обстоятельствам.

Особенное. Если общее между П. Хилендарским и М. Чакиром можно выразить емким «служение этническим общностям», то специфические особенности этого «служения» определялись исторической эпохой и конкретно-историческими обстоятельствами проявления в ней этнических, этнокультурных и этнополитических процессов, протекавших в болгарской и гагаузской среде и обусловивших их патриотическую деятельность. Поскольку историческое время и обстоятельства в годы их жизни и деятельности были разными, то и цели и задачи, которые они перед собой ставили и решали, различались, хотя и были однонаправленными. Черты личности в их деятельности определялись их этническим самосознанием.

П. Хилендарский был по рождению болгарин. Он осознавал свою этническую принадлежность к ним, и именно их славная средневековая история и трагическое положение под османским игом понудили его приступить к написанию «Истории славяноболгарской» и посредством ее возродить болгарскую нацию и ее государственность.

Михаил Чакир принадлежал к роду, изначально идентифицировавшего свою принадлежность к болгарам. Это самоназвание не было их этническим определителем, а использовалось для разграничения «своих» тюркоязычных жителей на Балканах и в Буджаке от «чужих» славяноязычных болгар, которых они называли словом «тукан». Вопрос о том, когда М. Чакир перестал называть себя болгарин и самоназвался «гагаузом», остается открытым. На мой взгляд, это произошло в период между второй половиной 1990-х гг. и 1905–1907 гг. Тот факт, что М. Чакир до XX ст. не писал официально слово «гагауз», не означает, что он его не использовал в частной переписке. Тем не менее можно констатировать, что этническая проблема самоидентификации тюркоязычных задунайских переселенцев на основе этнонима «гагауз» задержала на какое-то время активное включение М. Чакира в этническое и этнокультурное пространство бессарабских гагаузов. Если П. Хилендарский в 40-летнем возрасте написал свой знаменитый труд, то М. Чакир в этом возрасте только решил проблему своего гагаузского самосознания, и ему понадобилось еще 30 лет, чтобы написать свою «Историю гагаузов Бессарабии».

Другая отличительная особенность состояла в том, что деятельность Паисия Хилендарского определялась начавшимся процессом болгарского *Возрождения в эпоху формирования болгарской буржуазной нации*. Обращение к славному историческому прошлому болгар и двух их средневековых государств призвано было сформировать у поработанного народа чувство собственного достоинства, поднять его свободолюбивый и борческий дух и восстановить его доброе имя в Европе. В личности Паисия была объективная потребность и необ-

ходимость у *возрождающегося* болгарского народа, и то, что появился именно он, означает, что так распорядилась история. Не было бы его, появился бы кто-то другой, который в большей или меньшей степени соответствовал *возрожденческому периоду в истории Болгарии*.

Представить Михаила Чакира исторической личностью середины XVIII в. невозможно. И не столько потому, что он родился спустя почти 100 лет после написания «Истории славяноболгарской» Паисием Хилендарским, сколько потому, что перед тюркоязычным православным населением Балкан стояли совсем другие задачи. Ему необходимо было физически и духовно выжить в условиях османо-мусульманского давления, сохранить процесс формирования своей идентичности и найти для нее соответствующие этнические символы. Как известно, это население большей своей частью было вынуждено покинуть Балканы и переселиться на север от Дуная. После этого последовала его концентрация в Буджаке, где и состоялось этническое оформление на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык* (Грек, Руссев 2011: 78–84). Именно на этом этапе этнической истории гагаузов появляется Михаил Чакир. Перед ним стояла задача *их просвещения*, в основе которого лежало его убеждение в том, что гагаузы – этнос с этнической историей, этническими символами, этнической культурой, этнопсихологией и исторической судьбой.

Из сказанного следует, что идеологическое русло в деятельности П. Хилендарского и М. Чакира было одним и тем же. Но результаты их непосредственного влияния на объекты воздействия (болгар и гагаузов), трансформировавшиеся в субъекты истории уже после ухода из жизни П. Хилендарского и М. Чакира, различаются. И не только датами достижения конечной стратегической цели (создание Третьего Болгарского государства в 1878 г. и создание АТО Гагауз-Ери в 1994 г.), но и самой спецификой форм и содержания идентичностей болгар и гагаузов. Так, основной посыл «Истории славяноболгарской» направлен на возрождение национально-культурной и национально-церковной идентичности болгарского народа. Начало становления болгарской буржуазной нации обуславливало именно такую стратегическую цель, достигаемую в борьбе против греческого ига в болгарских землях. П. Хилендарский не ставит напрямую вопрос о политическом освобождении Болгарии от османского ига, но он подразумевается в его воспевании и идеализации Первого и Второго средневековых болгарских государств. Политическое направление болгарского Возрождения стало следствием национально-культурной и национально-церковной борьбы болгарского народа. На достижение идеологической задачи, поставленной Паисием Хилендарским, понадобилось более 110 лет.

Главный посыл в работах Михаила Чакира 1930-х гг. – это отстаивание той простой истины, что в Буджаке сформировалась гагаузская этническая общность. В ее основе приверженность гагаузов православию, ставшему их религией еще на Балканах, и тюркскому языку, который и обусловил их движение по пути самоидентификации в Южной Бессарабии. Это произошло тогда, когда состоялись их отпочкование от славяноболгар и отказ от общего с ними самоназвания (повторим, этноним *болгары* имел для тюркоязычного православного населения на Балканах значение политонима, см.: Грек 2011: 125–127). Однако этот процесс среди бессарабских гагаузов протекал в XIX в. стихийно, и чтобы ускорить его и привести к завершению, требовалось этническое просвещение гагаузов. Что и осуществлял Михаил Чакир, в том числе и «Историей гагаузов Бессарабии». В ней его позиция по отношению к «чужим» болгарам не содержала негативных элементов, как это было у П. Хилендарского по отношению к грекам. Присутствие в его работе некоторых отрицательных этнопсихологических характеристик болгар, которые внешне выглядят как антиболгарские, на самом деле таковыми не являются, поскольку никакого этнического давления со стороны бессарабских болгар и засилья болгарских священников в гагаузских приходах не было. Их следует воспринимать и оценивать лишь в контексте выстраивания М. Чакиром доказательств отличия «своих» бессарабских гагаузов в этногенезе, истории, традициях, психологии от «чужих» для них этнически бессарабских болгар. Следует подчеркнуть: этнопсихологический путь М. Чакира от осознания себя на основе политонима *болгары* к осознанию себя на основе этнонима *гагауз* был не простым. На этот путь не встал его двоюродный дядя, известный в Бессарабии священник протоиерей Д.Г. Чакир, который относил себя и своих предков к «болгарской нации» (Чакир 2005а: 25). Его книга была издана в 1899 г., в тот период, когда процесс этнического размежевания гагаузов от болгар приобретал характер необратимости, а М. Чакир становился его выразителем и идеологом. Здесь подчеркнем: 1918 год затормозил этот процесс настолько, что даже тогда, когда М. Чакир писал свою «Историю гагаузов Бессарабии», он вынужден был отметить: «До сих пор гагаузы значатся болгарами, считаются отуреченными болгарами» (Чакир 2005b: 82).

К особенностям проявления деятельности П. Хилендарского и М. Чакира следует отнести и то, что труд первого «История славяно-болгарская» распространялся среди болгар в рукописном виде посредством снятия с нее копий. Сам Паисий в «Предисловии» к книге призывал: «Преписвайте тая историйца и платете, нека ви я препишат, които умеят да пишат, и пазете я да не изчезне!» («Переписывайте эту

историю и заплатите, чтобы вам ее переписали те, кто умеет писать, и сохраняйте ее, чтобы не исчезла»). Рукописное распространение его книги имело непосредственное отношение к скорости и массовости ее влияния на болгар. Интересно отметить, что переписчики, ощущая на себе громадное воздействие «Истории» Паисия, превращались в ее распространителей, пропагандистов ее содержания среди болгарского населения. Они становились этническими мобилизаторами болгар на первом после Паисия этапе болгарского Возрождения. Так, Софроний Врачанский был первым переписчиком «Истории славяноболгарской», а впоследствии включился в болгарское национально-освободительное движение и стал его лидером в начале XIX в. Рукописное распространение Паисиева труда продолжалось вплоть до середины того столетия. Это подчеркивает значимость подвига П. Хилендарского для болгарского этноса, нуждавшегося в его патриотическом слове. Вместе с тем рукописное слово медленнее, чем печатное, способно было проникнуть в болгарскую среду, что обуславливало и не быстрый охват болгар процессом Возрождения.

Михаил Чакир жил уже в эпоху печатного слова, оно было ему доступно. Издание его работ типографским способом, будь то переводы церковных книг или публикация собственных сочинений на гагаузском и румынском языках, как и постоянное его присутствие на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей», «Viata Basarabiei», «Luminatorul», сделали его публичным церковным деятелем-просветителем бессарабских гагаузов. С его непосредственной деятельностью связано довольно быстрое проникновение и закрепление в бессарабской гагаузской общности второго этнического символа, глоттонима *гагаузский язык*, вместо названия *турецкий язык*. Что касается употребляемого им названия языка *тюркче*, то он применял его в значении *тюркского языка*, к которому он приравнивал *гагаузский язык*: «Говорят гагаузы на чисто тюркском языке, на котором в старые времена говорили народы тюркского племени» (Чакир 2005b: 80). Нет вины бессарабского гагаузского просветителя в том, что процесс признания и применения на практике гагаузами Буджака глоттонима *гагаузский язык* после 1918 г. был заморожен политикой Румынии и Турции, что, кстати, отразилось в целом и на завершении самого процесса их идентичности. Тем не менее благодаря печатному слову Михаил Чакир стал известным всем гагаузам Бессарабии еще при жизни, получив всенародное признание как их «*ау воба*». Паисий Хилендарский получил такую славу уже в освобожденной Болгарии, спустя более 115 лет после смерти.

Говоря об особенностях патриотического вклада П. Хилендарского в историю болгарского Возрождения, отметим, что по отношению

к нему некорректно использовать слово «деятельность» в расширительном его толковании. Его *деятельность* заключалась лишь в написании «Истории славяноболгарской». Историческое время, в котором он жил, его возраст и состояние здоровья ограничили его возможность влиять на болгар непосредственно. Эту роль он исполнил опосредованно, своей книгой.

Что же касается М. Чакира, то его *деятельность* включала написание и издание книг и статей, их распространение, ведение непосредственной просветительской работы среди гагаузов, формирование в их среде этнического слоя просвещенных из числа священников, учителей, грамотных соплеменников. Время, в котором жил гагаузский просветитель, его личные возможности и этнические процессы в гагаузской общности Бессарабии обусловили всю его многогранную патриотическую деятельность.

Отметим еще одну важную специфическую особенность этнического патриотизма Паисия Хилендарского и Михаила Чакира.

Когда Паисий писал свою историю, болгарский народ переживал серьезный этнический кризис. Он столетиями подвергался денационализации со стороны как осман, так и греков. К середине XIX в. грекоманство среди болгар, особенно в зажиточной прослойке, стало серьезным тормозом в болгарском Возрождении. Василий Априлов приложил немало усилий, чтобы разоблачить это явление, показать его вредность для болгарского народа.

Паисий Хилендарский за столетие до Василия Априлова увидел это негативное явление в болгарском обществе, сумел правильно оценить его вред и сделал борьбу против грекоманства главным лейтмотивом в «Истории славяноболгарской». В «Предисловии (Обращении. – И.Г.) к тем, кто желает прочесть и услышать написанное в этой истории» он пишет: «Но некоторые [болгары] не хотят знать о своем болгарском роде, а обращаются к чужой культуре и чужому языку и не беспокоятся за свой болгарский язык, а учатся читать и говорить по-гречески и стыдятся назвать себя болгарами. О неразумный и ирод! Почему стыдишься назваться болгаринном и не читаешь и не говоришь на своем языке? <...> Во имя чего ты, глупый человек, стыдишься своего рода и подвизаешься к чужому языку? *Ты, болгарин, не обманывай себя, знай свой род и язык и учись на своем языке*». Болгарское национально-культурное движение выросло под воздействием этого пламенного призыва П. Хилендарского к болгарам. Они добились замены обучения в их школах с греческого языка на болгарский и восстановили в правах родной язык – важнейший символ болгарской идентичности.

Перед М. Чакиром не стояла задача остановить процесс денационализации «болгар, говорящих на турецком языке», и он не мог упрекать соплеменников в том, что они отказываются или отказались от своего рода и языка. Он решал более сложную задачу, а именно соединить бессарабскую православную тюркоязычную общность с ее символами, которыми стали этноним *гагауз* и глоттоним *гагаузский язык*. Ему прежде всего необходимо было объяснить своим соплеменникам, кто они такие. В «Истории гагаузов Бессарабии» он пишет: «Гагаузы не греки-урумы, не болгары и не румыны, не русские, не турки-сельджуки, не куманы, но тюркского рода, происходят от древних тюрков-узлов, тюрков-огузов, как утверждают профессор Иречек, Мошков, академик Радлов и профессор Манов» (Чакир 2005b: 94).

Если М. Чакиру было достаточно сказать, что гагаузы не русские, не греки, не румыны, не турки-сельджуки, то его утверждение, что они не болгары, им обосновывается. Гагаузы, утверждает он, отличаются от болгар этнопсихологией, отношением к женщине, одеждой, обычаями, нравами, самосознанием, наконец, языком. «Гагаузы имеют большее почтение к своим женам, чем болгары». Они «отличаются от болгар также одеждой, они одеваются иначе, носят иные вещи, чем болгары», что «тоже является свидетельством того, что гагаузы не являются болгарами». «Характер гагаузов, обычаи, нравы и сознание говорят, что гагаузы тюркского происхождения, что их язык – чисто тюркский язык» (Чакир 2005b: 93, 95; Никогло 2008: 91–93). М. Чакир нигде не говорит, что болгары Бессарабии – плохие, что они виноваты в том, что гагаузы называют себя болгарами, что они ассимилировали гагаузов. И подтверждает это тем, что по отношению к бессарабским болгарам «гагаузы совершенно не принимают слова «болгарин», так как они называют их “тукан”» (Чакир 2005b: 91; об этом же еще в начале XX в. писал и Г. Занетов, уроженец Конгаза: «Теперь в Южной Бессарабии христианское население, которое говорит на турецком, заявляет, что оно – болгарское – «биз ис булгар... гагаузы в Бессарабии утверждают, что именно они болгары, а не те болгары, которые говорят на болгарском языке и которых они... называют “туканами”» (см.: Занетов 1902: 73–74). Ему все это нужно, чтобы подчеркнуть, что гагаузы «отличаются от болгар», что они «не являются болгарами». И этим он доказывает этническую идентичность гагаузов, они для М. Чакира – «свои», а болгары – «другие», «чужие».

Еще одна особенность в деятельности П. Хилендарского и М. Чакира связана с их участием в становлении болгарского и гагаузского литературных языков.

Высказываясь об особенностях языка гагаузов в сравнении с турецким, М. Чакир отмечает: «Гагаузское наречие более правильное,

чем турецкое, более чистое, чем язык турок-осман, потому что османы много слов и выражений взяли от персов и арабов» (Чакир 2005b: 80). Подчеркивая особенность этногенеза гагаузов и их языка, М. Чакир вместе с тем признает, что у них «нет ни литературы, ни письменности, ни написанных книг. До сих пор гагаузы не написали гагаузскую историю» (Чакир 2005b: 80).

П. Хилендарский не имел перед собой историю болгар, написанную болгаринном, в этом его положение и положение М. Чакира были схожими. Но отличает их то, что Паисий опирался на славянскую кириллическую письменность, в то время как М. Чакир был вынужден использовать чужие азбуки и графики, создавая гагаузскую письменность.

Конечно, понятие «литературный язык» применительно к алфавиту, грамматике, стилю написания «Историй» болгарским возрожденцем и гагаузским просветителем имеет относительный характер. Если подойти к проблеме с позиции ученого-лингвиста, то ни один из них не соответствует строгим требованиям лингвистической науки и не может быть внесен в число тех, кто разрабатывал литературную форму болгарского и гагаузского языков. Однако я как историк беру во внимание такие факторы, как конкретно-исторические обстоятельства, в которых находились болгарская и гагаузская общности тогда, когда жили и творили болгарский монах и гагаузский священник.

Паисий Хилендарский написал «Историю» славянской письменностью на староболгарском языке XVIII столетия в условиях засилья в болгарском обществе греческого языка и грекоманства. Его знаменитый вопрос к болгарам «почему стыдитесь своего рода и языка?» и пламенный призыв к ним «знать свой род и язык» – это то, откуда берут начало духовные истоки становления болгарского литературного языка. Кроме того, как известно, когда творил П. Хилендарский, болгарским литературным языком считался церковнославянский. Напомню, что именно этот язык и В. Априлов считал болгарским, а ведь его возрожденческая деятельность имела место спустя почти 80 лет после написания «Истории славяноболгарской». Современный болгарский литературный язык начинается с Любена Каравелова и Христо Ботева, а его грамматика стала разрабатываться уже после освобождения Болгарии в 1878 г. Тем не менее ученые-лингвисты выявляют в языке «Истории» П. Хилендарского элементы болгарского народного языка, т. е. его труд написан не на чисто церковнославянском языке. Известный болгарский языковед Л. Андрейчин отмечал, что при написании «Истории славяноболгарской» Паисий не ставит границу между болгарским и церковнославянским языками, он не видел в них «два отдельных языка». Его болгарский язык образует

некое «единство с церковнославянским», хотя сам признает, что «не учил грамматику», конечно церковнославянскую, поскольку «болгарская грамматика была немыслима тогда». И вывод ученого: «Анализ письменного языка Паисия показывает, что в своей основе этот язык есть новоболгарский народный язык, а не церковнославянский... Паисий с полным основанием может считаться родоначальником (именно родоначальником, а не создателем) нашего современного книжного (литературного) языка» (Андрейчин 1986: 182). Таким образом, в написании своей «Истории» П. Хилендарский опирается на церковнославянский и народный болгарский языки и на письменность великих предшественников своих св. Кирилла и Мефодия. Он призывает болгар не отказываться от своего происхождения и восстановить в своих правах родной язык, без которого они утрачивают этническую идентичность. Его можно отнести к предтечам создателей болгарского литературного языка. Именно в этом состоят его роль и значение в связи с языковыми процессами в болгарском обществе в середине XVIII в.

Михаил Чакир находился в более сложном положении, чем Паисий Хилендарский. В контексте наступления в конце XIX в. завершающей стадии формирования бессарабской гагаузской общности он по-своему призывал гагаузов «знать свой род и язык»: она только начала осознавать себя *гагаузской*, а к называнию своего языка *гагаузским* еще не подошла. Гагаузы были к тому же бесписьменными. Необходимо учитывать также, что в условиях России того времени, когда решался вопрос об интеграции нерусских народов и народностей в русское культурное и языковое пространство, создание грамматики гагаузского языка для бессарабской гагаузской общности было невозможным. Хотя научное сообщество России занялось гагаузским языком и его словарем и в 1904 г. опубликовало «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб., 1904: Б. и. X, XXXII, 346 с., 22 с., 114», «Словарь языка бессарабских гагаузов» дан здесь во втором прибавлении (114 с.) и включает 2 906 слов. У нас нет сведений о том, был ли знаком М. Чакир с этой публикацией, но если предположить, что знал о ней, то, как прагматик, понимал необходимость решать проблему просвещения гагаузов тем языковым инструментом, который имелся в его распоряжении – русским алфавитом и гагаузским народным языком, каковым и являлся говор гагаузов Чадыр-Лунги. Он решает две первоочередные задачи: во-первых, донести до сознания соплеменников их этническое самоназвание *гагаузы* и, во-вторых, убедить их, что название их языка (глоттонима) должно обуславливаться их са-

моназванием, т. е. этнонимом. Гагауз М. Чакир не выстраивает научные доказательства своей позиции, а просто вводит в оборот глоттоним *гагаузский язык*, или *гагаузча*. До него (В. Мошков, В. Радлов) использовали синтагму *наречие* в отношении языка бессарабских гагаузов, причисляя его к образцам народной литературы тюркских племен, а не к турецкому языку, как было принято считать раньше официально, в том числе и самими бессарабскими гагаузами. Интересно отметить, что и сам М. Чакир использует синтагму «гагаузское наречие».

На наш взгляд, у М. Чакира не было возможности и необходимых знаний, чтобы разработать алфавит, графику, грамматику и синтаксис гагаузского языка, и у него не было таких гагаузских предшественников, какие были у Паисия Хилендарского. Поэтому его работы написаны на основе диалекта гагаузов Чадыр-Лунги, откуда был родом. Как известно, впоследствии гагаузский литературный язык создавался на базе комратско-чадыр-лунгского диалекта народного языка. Именно «в деле гагаузской лексикографии первенство принадлежало также незабвенному отцу просветителю Михаилу Чакиру» (Мошин, Копушу 2013: 61).

Таким образом, его можно причислить к предтечам создателей литературной формы гагаузского языка. Кроме того, он решил самую главную языковую проблему гагаузов – назвал глоттоним. Что касается алфавита, то в тех условиях, в которых он жил и трудился, единственно правильным решением было воспользоваться русским алфавитом до 1917 г. и румынским с 1918 г., что он и сделал. Вопросы алфавита, грамматики и письменности гагаузского языка решались во второй половине XX в. Роль М. Чакира состояла в том, что он подготовил бессарабских гагаузов к этому важному этапу в их этнической и этнокультурной истории. Он доносил до них родное слово посредством церковной книги или изданий, освещающих их происхождение, историю и культуру тем алфавитом и той графикой, которые были у него под рукой.

Приведенный анализ и размышления об общем и особенном в патриотическом подвиге Паисия Хилендарского и Михаила Чакира дают основания для следующего вывода. Этногенетические и этнокультурные процессы в болгарском этносе и в бессарабской гагаузской общности и конкретно-исторические условия середины XVIII в. в болгарских землях и на рубеже XIX–XX вв. в Буджаке дали нам именно этих выдающихся исторических личностей. Они оказали мощное этномобилизующее воздействие на своих соплеменников, приведшее к возрождению болгарской государственности и к завершению становления бессарабской гагаузской этнической, этнокультурной и политической идентичности в автономном ее статусе

в рамках молдавской государственности. Паисий Хилендарский по праву причислен к лику святых Болгарской Патриархией. Михаил Чакир заслуживает такого же признания со стороны Русской православной церкви. Гагаузы Молдавии и Украины в долгу перед ним.

С 1991 г. началось соединение гагаузской идентичности, гагаузской духовности М. Чакира с гагаузским народом. На первый взгляд, такое утверждение может быть воспринято в Гагауз-Ери как некий национально-культурный и политический вызов гагаузскому этносу. Трудно представить, чтобы кто-либо в Гагаузии теперь не знал, кто он и какова его роль в истории и культуре гагаузов. Между тем в советский период их истории первая публикация о М. Чакире появилась в 1977 г. Ее сделал на молдавском языке А.Т. Борщ в «Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ». Вол. 7 (Кишинэу, 1977. С. 293). Его же небольшая статья, из каковых состоят энциклопедические издания, была опубликована в русском варианте в 1982 г. в книге «Советская Молдавия. Краткая энциклопедия» (Кишинев, 1982. С. 673). До 1991 г. вышли в свет еще две статьи. Одна без автора, на молдавском языке и тоже в энциклопедическом издании (Литература ши арта Молдовей: Энциклопедие ын волуме 2. Вол. 2. Кишинэу, 1986. С. 418). Другая, «Чакир как просветитель», автор - известный гагаузский писатель П.А. Чеботарь, вышла также в молдавском издании, в журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ» (1988. № 2. С. 64–67). Нет необходимости доказывать, что эти четыре специфические публикации энциклопедического и профессионального характера, две из которых изданы на молдавском языке, не дошли до широкого круга гагаузского читателя. Для двух советских поколений гагаузов личность М. Чакира оставалась неизвестной, в отличие от ситуации дореволюционных и довоенных лет. Означает ли это, что о нем забыли, что им никто не интересовался? Использовались ли другие формы контактов с гагаузским народом, чтобы донести до него роль и значение М. Чакира в становлении гагаузской идентичности? Были ли, например, статьи о нем в местной печати в местах компактного проживания гагаузов, проводились ли лекции, доклады, другие мероприятия просветительского характера среди гагаузского населения, посвященные жизни и деятельности М. Чакира? Эти вопросы не стали еще предметом научного исследования.

Между тем можно утверждать, что советская научная и культурная по самосознанию гагаузская интеллигенция не забыла его, интересовалась им, ощущала на себе влияние его этнопросветительского творчества. И, тем не менее, на рост этнического и национально-культурного самосознания гагаузов в послевоенный период их истории (1944–1990 гг.) влияние имели факторы, обусловленные советской

действительностью, как реальной политикой советской власти, так и ее во многом декларативной идеологией по национальному вопросу. Я имею в виду большой круг проблем национально-культурного характера гагаузов, которые ставились перед советскими органами власти и решались ею с 1946 г.

Перечислю некоторые из них: создание грамматики гагаузского языка, не подготовленный профессионально и потому неудавшийся переход на родной язык обучения в школах с гагаузским контингентом учащихся, подготовка в вузах и техникумах республики и страны прослойки национальной по самосознанию интеллигенции, издание художественной литературы гагаузской тематики и периодических изданий на гагаузском языке, организация научных исследований в АН МССР по истории, языку и культуре гагаузов, открытие краеведческих музеев в гагаузских селах, создание коллективов художественной самодеятельности, формирование профессиональных театральных коллективов с национальным гагаузским репертуаром, появление произведений гагаузских музыкантов, художников, скульпторов, прославляющих гагаузскую самобытность. Особо следует отметить этнонациональное воспитательное значение встреч гагаузских писателей и поэтов со своими читателями в гагаузских селах, научные и научно-популярные публикации по истории и культуре гагаузского народа, в том числе в районных газетах.

Но вся эта многогранная национально-культурная работа не была осенена именем гагаузского просветителя. На мой взгляд, по причине того, что М. Чакир был противником октябрьских событий 1917 г. в России и большевистской атеистической Советской власти. Не лишним будет подчеркнуть, что протоиерей-просветитель стал известен дореволюционной бессарабской гагаузской общности посредством церкви в гагаузских селах, священников-гагаузов в них и проведения ими богослужения для прихожан на родном языке, ставшего возможным благодаря изданию Чакиром религиозных книг на гагаузском языке в начале XX в.

С 1944 по 1990 г. эта этнопросветительская и духовно-религиозная взаимосвязь М. Чакира с соплеменниками была разрушена советской властью. Но как бы это ни звучало парадоксально, именно эта власть при всех ее издержках репрессивного характера решала и решила большинство этнических и национально-культурных задач, стоящих перед гагаузским народом, о чем было сказано выше. *И самое главное: в советский период истории гагаузов завершился процесс формирования их этнической идентичности, начавшийся в дореволюционной России, и состоялось окончательное и бесповоротное осознание ими себя гагаузами.* Стоявший у истоков формирования гагаузской

этнической и этнокультурной идентичности гагаузский просветитель незримо присутствовал и на заключительном этапе этого процесса. *Выглядит это символично: противник советско-большевистской власти М. Чакир получил из ее рук реализованный ею смысл всей его жизни.*

Бурные политические процессы 1989–1991 гг. в СССР привели к созданию Гагаузской республики в августе 1990 г. и Республики Молдова в августе 1991 г. М. Чакир в политическое строительство гагаузов не заглядывал. Он в тех бессарабских реалиях межвоенного времени, в которых жил и творил после 1917 г., продолжал решать этнические и этнокультурные задачи, стоявшие перед гагаузским народом. Но именно события, происшедшие на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия, вернули гагаузскому народу имя родоначальника гагаузского просвещения протоиерея М. Чакира. С 1991 г. появилась масса биографических и биобиблиографических книг и статей о нем, а также переиздание его работ, посвященных истории и культуре бессарабских гагаузов. Проведено уже несколько научных конференций «Чакировские чтения», в том числе с участием зарубежных ученых. Он занял свое законное место идеолога гагаузской этнической, этнокультурной идентичности, без которой не было бы и гагаузской автономной политической идентичности в составе молдавского государства.

Следует сказать, что М. Чакир проявил себя и как молдавский просветитель в Бессарабии, не говоря уже о том, что он был видным религиозным деятелем Бессарабской митрополии. Но нынешняя политико-идеологическая власть Кишинева, которая уже не скрывает свою румыно-унионистскую стратегию, проводя антигосударственную политику по отношению к суверенности Республики Молдова, враждебна к идеологическим и геополитическим воззрениям жителей Гагаузской автономии. Особенно это проявилось после референдума 2 февраля 2014 г. об отложенном статусе Гагаузии в случае утраты Республикой Молдова своей независимости. И эта враждебность кишиневской власти к Гагаузии перенесена в Кишиневе и на М. Чакира. Именно в этом контексте следует рассматривать акт вандализма на его могиле на армянском кладбище. Он спровоцирован унионистской идеологией и нескрываемой политикой нетерпимости политиков Кишинева по отношению к отстаиваемой гагаузами своей этнической, этнокультурной и автономной этнополитической идентичности и геополитического вектора, которые не противоречат политическому суверенитету молдавского государства.

М. Чакир всю свою сознательную жизнь прожил в Кишиневе. Здесь он умер и похоронен. Но, вероятно, настало время перезахоронить его

останки на малой родине, в Чадыр-Лунге, Гагаузии, где чтут его память, преклоняются перед его родолюбием, руководствуются его заветами. Вернуть туда, где родился и где его прах не будет потревожен.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин 1986 - *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София: Народна просвета, 1986.

Булгар 2005 - *Булгар С.* Протоиерей Михаил Чакир 1861–1938 // Страници истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 57–74.

Грек 2009 - *Грек И.Ф.* Проявление идентичности в этнопсихологии болгар и гагаузов Молдовы во второй половине XVIII–XX вв. Историко-политологический дискурс // STRATUMplus. № 6. 2006–2009. Причерноморские этюды. Кишинев, 2009. С. 566–585.

Грек 2011 - *Грек И.Ф.* Село Гайдар: очерки истории и культуры // Лукомсорье: археология, этнология, история северо-западного Причерноморья. Одесса, 2011. Вып. 5. С. 81–312.

Грек, Руссев 2011 - *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: STRATUMplus, 2011. 142 с.

Димитров 1988 - *Димитров Стр.* Някои проблеми на етническите и ислямизационно-асимиляционните процеси в българските земи през XV–XVII в. // Проблеми на развитието на българската народност и нация. София, 1988. С. 33–56.

Занетов 1902 - *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Русе, 1902.

Квилинкова 2012 - *Квилинкова Е.Н.* Формирование самосознания гагаузов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Комрат-Кишинев, 2012. Т. 1. С. 337–351.

Костенко 2005 - *Костенко Н.* Апостол протоиерей Михаил Чакир // Страници истории и литературы гагаузов XI – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 75–79.

Милиш 1993 - *Милиш Н.* Още един поглед върху родословието на рода на Михаил Чакир // Болградската гимназия. София, 1993. С. 219–227.

Мошин, Копуцу 2013 - *Мошин О., Копуцу В.* Протоиерей Михаил Чакир: служение Богу и ближним. Кишинев, 2013.

Мошков 1901 - *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // Этнографическое обозрение. 1901. № 4.

Никогло - *Никогло Д.Е.* Очерки протоиерея Михаила Чакира в контексте современных исследований по гагаузоведению // Журнал этнологии и культурологи. Кишинев, 2008. Т. IV. С. 88–95.

Нягулов 2010 - *Нягулов Бл.* От единения к разграничению: болгары и гагаузы в Румынской Бессарабии (1918 – 1940 гг.) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. М., 2010. С. 156–190.

Паисий Хилендарский 1962 - Паисий Хилендарский и неговата епоха. София, 1962.

Образцы 1904 - Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. X. Наречия бессарабских гагаузов // Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб, Б. и., 1904. X, XXXII, 346 с., 22 с., 114 с.

Чакир 2005а - *Чакир Д.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в. Кишинев, 2005. С. 25–55.

Чакир 2005b - *Чакир М.* История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в. Кишинев, 2005. С. 80–108.

REFERENCES

Andreychin, L. (1986) *Iz istoriyata na nasheto ezikovo stroitelstvo* [From the history of our language development]. Sofiya: Narodna prosveta.

Bulgar, S. (2005) Protoierey Mikhail Chakir 1861–1938 [Archpriest Mikhail Chakir 1861–1938]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 57-74.

Greg, I.F. (2006–2009) Features of Identity in Ethnic Psychology of Bulgarians and Gagauzes of Moldova in 1750-1900s. (Historical and Politological Discourse). *STRATUMplus*. 6. pp. 566-585. (In Russian).

Greg, I.F. (2011) Selo Gaydar: ocherki istorii i kul'tury [The village Gaidar: Essays on History and Culture]. *Lukomor'e: arkheologiya, etnologiya, istoriya severo-zapadnogo Prichernomor'ya*. 5. pp. 81–312.

Greg, I.F. & Rousseau, N.D. (2011) 1812 – povorotnyy god v istorii Budzhaka i “zadunayskikh pereselentsev” [1812 – a turning year in the history of Budjaka and “Transdanubian immigrants”]. *STRATUMplus*.

Dimitrov, Str. (1988) Nyakoi problemi na etnicheskite i islyamizatsionno-asimilyatsionnite protsesi v b"lgarskite zemi prez XV–XVII v. In: Yankov, G., Dimitrov, S. & Zagorov, O. *Problemi na razvitiето na b"lgarskata narodnost i natsiya* [Problems of development of Bulgarian nationality and nation]. Sofiya" Academy of Sciences. pp. 33-56.

Zanetov, G. (1902) *B"lgarskoto naselenie v srednite vekove* [Bulgarian population in the Middle Ages]. Sofia: Ruse.

Kvilinkova, E.N. (2012) Formirovanie samosoznaniya gagauzov [Formation of self-consciousness in the world]. In: Guboglo, M.N. *Gagauzy v mire i mir gagauzov* [Gagauz in the world and the world of Gagauz]. Vol. 1. Komrat-Kishinev: Tipografia Centrală. pp. 337-351.

Kostenko, N. (2005) Apostol protoierey Mikhail Chakir [Apostle Archpriest

Mikhail Chakir]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 75–79.

Milish, N. (1993) Oshche edin pogled v r'khu rodoslovieto na roda na Mikhail Chakir [Another look at the genealogy of the family of Mikhail Chakir]. In: *Bolgradskata gimnaziya* [Bolgrad Gymnasium]. Sofia: [s.n.]. pp. 219-227.

Moshin, O. & Kopushchu, V. (2013) *Protoierey Mikhail Chakir: sluzhenie Bogu i blizhnim* [Archpriest Mikhail Chakir: Service to God and people]. Chisinau: Cuvintul-ABC.

Moshkov, V.A. (1901) Gagauzy Benderskogo uezda (Etnograficheskie ocherki i materialy) [Gagauz of Bendery County (ethnographic essays and materials)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4.

Nikoglo, DE. (2008) Ocherki protoiereya Mikhaïla Chakira v kontekste sovremennykh is-sledovaniy po gagauzovedeniyu [Essays of Archpriest Mikhail Chakir in the context of current Gagauz Studies]. *Zhurnal etnologii i kul'turologi*. IV. pp. 88-95.

Nyagulov, Bl. (1918–1940) *Ot edineniya k razgranicheniyu: bolgary i gagauzy v Rumynskoy Bessarabii* [From unity to differentiation: Bulgarians and Gagauz in Romanian Bessarabia], The course develops Moldova. Vol. 10. Moscow, 2010. pp. 156-190.

Kosev, D., Burmov, A.K. & Khristov, K. (1962) *Paisiy Khilendarskiy i negovata epokha* [Paisij Hilendarskiy and his era]. Sofia: Academy of Sciences.

Moshkov, V. (ed.) (1904) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym. Ch. X. Narechiya bessarabskikh gagauzov* [Samples of folk literature of Turkic tribes issued W. Radloff. Part 10. Dialects of Bessarabian Gagauz]. Translated by V. Moshkov. St. Petersburg.

Chakir, D. (2005a) Biograficheskiy ocherk roda i familii Chakir [A biographical essay about the family of Chakir]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 25-55.

Chakir, M. (2005b) Istoriya gagauzov Bessarabii [The history of Bessarabian Gagauz]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chişinău: Pontos. pp. 80-108.

Грек Иван Федорович – кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Grek Ivan – Association of Historians and Political Scientists «Pro-Moldova» (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mail.ru